

УДК 821.111(09):2
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141

Художественное воплощение принципов христианского религиозного учения унитариев в творчестве Элизабет Гаскелл

Мария Юрьевна Фирстова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры,
доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. legkikh76@mail.ru

SPIN-код: 1553-5029
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
Одобрена после рецензирования 06.06.2022
Принята к публикации 15.06.2022

Информация для цитирования

Фирстова М. Ю. Художественное воплощение принципов христианского религиозного учения унитариев в творчестве Элизабет Гаскелл // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 131–141. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и основные принципы христианского религиозного учения унитариев, получившего распространение в Великобритании со второй половины XVIII в., в связи с влиянием морально-этических постулатов этого неконформистского (диссентерского) направления в христианстве на творчество Э. Гаскелл (1810–1865), происходившей из среды английских унитариев. Прослеживается воздействие унитаризма на формирование проблемно-тематического аспекта большинства романов писательницы, что проявилось в художественном осмыслении необходимости усиления роли женщины в викторианском обществе, новом освещении темы «падшей» женщины, реализованном через предоставление возможности искупления греха посредством служения на благо общества и оправдание материнской любовью, акценте на идеях пацифизма, религиозной толерантности, стремлении к преодолению социальных конфликтов на основе христианской идеи взаимозависимости людей в обществе, социальной справедливости, изобличении пагубности лжи и т.д. Влияние унитаризма обусловило и выбор героя: это социально активная молодая девушка из среднего класса, усилия которой направлены на преодоление социального конфликта, и священник или священник-диссентер, испытывающий религиозные или нравственные сомнения, что, в свою очередь, обусловило перенос внимания автора исключительно с внешнего социального конфликта на внутренний, определив усиление психологизации повествования. Особое внимание уделяется реализации центральной для унитариев идеи нравственного совершенствования человека через преодоление заблуждений и прогресса общества в целом в романах «Руфь» (“Ruth”, 1853), «Север и юг» (“North and South”, 1855), «Поклонники Сильвии» (“Sylvia’s Lovers”, 1863).

Ключевые слова: критический реализм; викторианство; унитаризм; Новый Завет; антиунитарии; неконформизм; диссентеры; смена гендерных ролей.

Вплоть до конца первого десятилетия XXI в. английская писательница Элизабет Клегхорн Гаскелл (1810–1865) была известна широкому кругу российских читателей прежде всего как автор социального романа «Мэри Бартон» (“Mary Bar-

ton”, 1848), посвященного изображению острых социальных конфликтов между промышленниками-капиталистами и рабочими в голодные сроки XIX в. в Англии, и произведения «Крэнфорд» (“Cranford”, 1853), с тонким юмо-

ром описывающего нравы и быт провинциального английского городка, населенного одинокими пожилыми леди. Во многом это было вызвано идеологической заданностью и, как следствие, ограниченностью анализа творчества писательницы отечественными литературоведами в середине прошлого века, ориентировавшимися на высказывание К. Маркса в статье «Английская буржуазия», опубликованной в газете “New-York Daily Tribune” № 4145, 1 августа 1854 г., в котором он объединяет Э. К. Гаскелл, Ч. Диккенса, У. М. Теккерея и Ш. Бронте в «блестящую плеяду современных английских романистов, которые в ярких и красноречивых книгах раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики, публицисты и моралисты вместе взятые...» [Маркс 1958: 648].

Ситуация изменилась, когда в 2012 г. был переведен на русский язык и издан роман «Север и юг» (“North and South”, 1855), в котором более детально, чем в первом произведении писательницы, рассматривается проблема взаимоотношений представителей различных социальных групп и предлагается решение социального конфликта на основе христианского принципа любви к ближнему. В 2013 г. выходит в свет перевод еще одного произведения писательницы, в свое время бросившего вызов викторианской морали, заявляя о праве падшей женщины на любовь к своему незаконнорожденному ребенку, о возможности ее нравственного возрождения через эту любовь и о праве быть принятой обществом и жить в нем, принося пользу его членам. Речь идет о романе «Руфь» (“Ruth”, 1853). Перевод и издание вышеназванных произведений, несомненно, обогатили представление российских читателей о творчестве писательницы. Однако, на наш взгляд, оно так и останется неполным, если мы будем рассматривать и анализировать произведения автора без учета весьма важного факта ее биографии, особенно, если учесть склонность Э. Гаскелл к изображению в произведениях событий и ситуаций из собственной жизни. Этим важным фактом биографии является принадлежность писательницы к религиозному учению антитринитариев, получившему в Англии название «унитаризм» (или унитариянство).

О принадлежности Гаскелл к этому диссентерскому (нонконформистскому) религиозному учению, преследование которого светскими властями и официальной англиканской церковью осуществлялось с намного большим рвением, чем других нонконформистских учений, упоминают большинство зарубежных исследователей ее творчества [Gerin 1976; Easson 1979; Duthie 1980; Uglow 1993; Chapple 2007]. Так, несмотря

на принятие в 1689 г. «Акта о веротерпимости» (“Toleration Act”), разрешавшего, по сути, деятельность всех религиозных диссентерских общин на территории Великобритании, унитарии по-прежнему оставались под запретом. Однако это обстоятельство не мешало последователям средневекового арианского течения в христианстве, наследником которого и стал унитаризм, чей расцвет на родине писательницы пришелся на вторую половину XVIII в., быть весьма социально успешными. Как пишет Чэппл, в начале XIX в. в Англии и Уэльсе насчитывалось немногим более двухсот унитаристских конгрегаций, но их «социальное и культурное влияние было непропорционально их численности» [Chapple 2007: 166]. Биограф Э. Гаскелл пишет о богатствах, сосредоточенных в руках банкиров Ллойдов (Lloyds), производителей и торговцев шелком Кортодов (Courtaulds) и мн. др. Известно, что по материнской линии Э. Гаскелл состояла в дальнем родстве с такими влиятельными в то время в Великобритании семьями унитариев, как Дарвины (Darwins), Тернеры (Turners) и производители всемирно известного английского фарфора Веджвуды (Wedgwoods) [Duthie 1980: 151]. Отец и муж Гаскелл (Уильям Гаскелл) были священниками-унитариями.

Представители этого диссентерского религиозного учения, как правило, отличались высоким уровнем образования. В XVIII в. унитариев не допускали к обучению в английских университетах, что подтолкнуло их не только к поступлению в университеты Шотландии и Германии, но и к организации собственных учебных заведений. Одним из таких стала академия Уоррингтон (Warrington Academy, 1754–1786 гг.), выпускником которой были философ и ученый Джозеф Пристли (1733–1804), ставший в 1761 г. преподавателем языков и литературы в своей *alma mater*, и известный деятель Великой французской революции Жан-Поль Марат (1743–1793) [Stiles 1995: 13]. Пристли внес большой вклад в развитие антитринитарных идей на основе принципа рационализма и укрепление унитаризма в Англии.

Сегодня религиозное учение унитариев по-прежнему исповедуется в Великобритании, имея также большое число последователей в США. Британские унитарии внимательно относятся к памяти писательницы, о чем свидетельствуют высказывания священника-унитария Дэвида Досона во время празднования двухсотлетия со дня ее рождения. Он полагает, что унитаризм проявился в произведениях Гаскелл через ее обращение к таким темам, как социальная справедливость, примирение в обществе, более справедливое распределение средств в нем и права женщин [Worship Resource 2010: 3]. Известно, что Га-

скелл не ограничивалась исключительно словесным утверждением идеалов добра и милосердия посредством своего творчества, а принимала активное участие в благотворительной деятельности, оказывая помощь рабочим и беднякам Манчестера. Об этом упоминают не только зарубежные, но и отечественные исследователи жизни и творчества писательницы [Ивашева 1990; Ремизов 1974; Тугушева 1989]. Знание реалий быта манчестерских рабочих позволило Гаскелл создать в своих социальных романах (*Condition-of-England novels*) по-настоящему реалистичные картины, вызывающие не только сочувствие к положению беднейших слоев общества, но и призывающие к социальным реформам, а также внести значительный вклад в развитие критического реализма в европейской литературе.

Согласно статье И. Р. Леоненковой в «Православной энциклопедии», корни антиринитаризма, распространенного сегодня, главным образом, в США, восходят к XVI в., когда в Италии под влиянием флорентийских неоплатоников, с одной стороны, и идей протестантской Реформации, с другой, стали появляться сочинения, носившие антиринитарный характер [Православная энциклопедия]. Одним из авторов таких сочинений был врач и богослов Михаил Сервет. В своих работах “*De Trinitatis erroribus*” (“О тринитарных заблуждениях”, 1531), “*Dialogi de trinitate*” (“Диалоги о Троице”, 1532) и “*Christianismi restitutio*” (“Восстановление христианства”, 1553) он выступал против догмата о Святой Троице, отрицал божественную природу Иисуса Христа и считал одной из важнейших задач возвращение к «доникейскому христианству». Во второй половине XVI в. идеи Михаила Сервета продолжили итальянские богословы Леллий Социн и его племянник Фауст Социн, но уже в Польше. Так, Ф. Социн считал, что Священное Писание содержит все необходимое для спасения, но истинно в нем только то, что не противоречит человеческому разуму. Социн отрицал первородный грех. А крестная смерть Иисуса Христа, в его представлении, нужна была для подтверждения истинности проповедуемого Христом учения, а не для искупления первородного греха и умиловивления гнева Божия. Иисус Христос Своей жизнью и святостью, по мнению богослова, указывает людям путь ко спасению, но является человеком [Ibid.]. Отсюда следует вывод о том, что «каждый, кто станет жить по заповедям Христа, достигнет духовного совершенства и вечной жизни в небесном царстве. Социн и его последователи отвергали магическое значение всех обрядов, сводя тем самым христианское учение к своего рода моральной доктрине» [История Европы: 303]. Возможность

обрести вечную жизнь в царстве небесном благодаря праведной земной жизни противоречит главному постулату кальвинизма о божественном предопределении. Неслучайно в судебном процессе против М. Сервета в 1553 г., закончившемся сожжением обвиняемого, активное участие принимал Ж. Кальвин. В середине XVII в. последователи идей Леллия и Фауста Социнов (социниане) были вынуждены бежать от преследований польской католической церкви в Нидерланды, где активно занимались издательской деятельностью. Оттуда литература с антиринитарными идеями попадает в Англию, где учение начинает бурно развиваться.

Как уже было сказано выше, одним из ярких представителей британского антиринитаризма был ученый и философ Джозеф Пристли. Вслед за Ф. Социном он считал веру в изначальную греховность человека и искупление грехов человечества через смерть Иисуса печальными суевериями [Chapple 2007: 165]. Об отрицании унитариями идеи о врожденной греховности человека пишет и Рональд Питер Стайлс в диссертации, посвященной творчеству Гаскелл [Stiles 1995: 13]. Как сказано в «Материалах богослужения, посвященного 200-летию со дня рождения Э. Гаскелл» (“*A Worship Resource to Celebrate the 200th Anniversary of the Birth of Elizabeth Gaskell*”), писательница «избегала религиозных споров, но ее письма указывают на то, что она придерживалась более традиционной формы унитаризма, разработанной Джозефом Пристли» [Worship Resource 2010: 2].

Для английских унитариев главной морально-этической ценностью стала правда, что, по мнению Чэппла, согласовывается с такими идеалами Просвещения, как свобода рационального мышления и познания, свобода совести, терпимость и самосовершенствование, также присущими этому религиозному течению [Chapple 2007: 165]. Поиски правды, какими бы тяжелыми и мучительными они ни были для человека, заслуживали не только уважения, но и поощрения. Отсюда неприемлемость лжи даже в мелочах повседневности, а не только в вопросах теологии. «Ложь во спасение» была также недопустима с точки зрения их морально-этического кодекса, негативное отношение распространялось и на различного рода тайны, поскольку они скрывали, замалчивали правду. Об этом пишет Р. П. Стайлс: «Необходимость быть честным и избегать сокрытия чего-либо были особенно важными требованиями учения унитариев в середине викторианского периода» [Stiles 1995: 25]. Оценка событий, изложенных в Священном Писании, с рациональных позиций способствовала развитию научной мысли в среде унитариев.

Они осознали, что подход к изучению какого-либо предмета с позиций разума снимает ограничения, накладываемые верой, дает свободу для проведения исследований. Британские унитарии вообще высоко ценили образование и поощряли интеллектуальное развитие своих братьев по вере. Женщины из среды унитариев были образованнее своих современниц, исповедующих официальную религию. Одной из первых призвала общество задуматься о развитии системы женского образования в стране дочь известного проповедника-унитария Джеймса Мартино – Харриет Мартино (Harriet Martineau) в статье “On Female Education” (1821) в журнале унитариев “Monthly Repository”. Как пишет Энн Перт в главе «Забытые пророки – женщины-унитарии и религия» книги «Унитарийские взгляды» (“Unitarian Perspectives”), представители наиболее радикального крыла унитариев в 1820-е гг. озаботились получением женщинами прав в различных областях, начиная с права на расторжение брака, в котором отсутствует любовь, за что боролся священник-унитарий Уильям Джонсон Фокс (William Johnson Fox), заканчивая правом на получение профессионального образования в области медицины, что стало доступно благодаря усилиям юриста и политического деятеля Джеймса Стэнсфилда (James Stansfield). За право женщин участвовать в выборах и за общее повышение статуса женщины в обществе, необходимое для морального прогресса человечества, выступала жена Джона Стюарта Милля – Харриет Тайлор Милль (Harriet Taylor Mill) [Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought: 1999: 51]. Будучи яростно преследуемы властями и официальной церковью, как ни одно другое диссентерское религиозное течение в Британии, унитарии высоко ценили свободу совести. Вот почему так значима для унитариев идея толерантности в вопросах вероисповедания, «уважения к различным религиозным убеждениям даже внутри собственного учения» [Uglow 1993: 7]. Еще одной важной чертой этого религиозного учения был гуманизм. Унитарии направляли свои усилия на защиту обездоленных и борьбу с социальной несправедливостью. Дженни Аглоу об этой деятельности унитариев на примере семьи Гаскелл пишет следующее: «Именно против социального зла, а не первородного греха или проделок дьявола выступало семейство Гаскелл. Если зло было содеяно человеком, то, по их мнению, человеку было подвластно и избавиться от этого зла, либо выполняя практические действия, либо прибегая к помощи слова, обладающего силой, пробуждающей совесть и влияющей на поведение человека» [там же: 73]. Унитарии полагали, что влияние среды и жизненных обстоя-

тельств на человека в плане формирования характера и выбора модели поведения сильнее, чем воздействие его природной предрасположенности к добру или злу. Эта идея, на наш взгляд, выросла из отрицания врожденной греховности человека. Она же сформировала их представление о важности образования и воспитания как средств формирования морального облика человека. Гуманистический пафос религиозного учения британских антитринитариев основывался на их вере в Бога любящего, а не наказывающего, «милосердного, а не гневающегося» [Uglow 1993: 96]. При этом они считали, что все поступки человека, как плохие, так и хорошие, неизбежно приводят к определенным последствиям. Но они рассматривали это обстоятельство не только и даже не столько с точки зрения неизбежности наказания за совершенные проступки или грехи, а как возможность получить спасение уже в земной жизни через искушение грехов, которую Бог дает человеку. Развиваясь как диссентерское религиозное учение, унитаризм неизбежно заимствовал идеи других неконформистских религиозных течений Британии, порой просто поразному расставляя акценты.

Как известно, религия имела большое значение в жизни человека в викторианскую эпоху. В подтверждение мысли о самодовлеющей роли религии в формировании английского национального менталитета в этот период приведем высказывание Б. М. Проскурнина в монографии «Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот»: «Необходимо иметь в виду как “базовую составную часть доминирующей идеологии” [Harrison 1973: 161] пуританское, точнее, протестантское, прежде всего евангелическое начало (“жизненное, не книжное христианство”, как говорили в викторианские времена), основывающееся на идее напряженного труда и индивидуальной моральной ответственности каждого» [Проскурнин 2005: 40].

Идея индивидуальной ответственности не только за свои поступки, но и за самое драгоценное для верующего человека – душу – получила некоторое переосмысление в христианском религиозном учении унитариев. Как говорилось ранее, согласно положениям этого учения, человек искупал свои грехи не через страдания в аду после смерти, а должен был сделать это при жизни. Об этом в лекции, посвященной учению унитариев, говорил Том Джон Гамильтон (Thom John Hamilton): «Мы считаем, что даже в будущем есть наказание для души, что даже для самых грешных есть способы искупления и что запятанный дух может быть так очищен, как если бы это сделал огонь. Мы считаем, что такое представление о строгом постепенном наказании оказывает более личное,

понятное и живое воздействие, чем вечные муки, в которые никто не верит сердцем и не страшится себе представить» [цит. по: Stiles 1995: 34].

В связи с вышеизложенным становится понятно настойчивое обращение Гаскелл к теме нравственного возрождения оступившейся женщины. Автор предоставляет главной героине романа «Руфь» (“Ruth”, 1853) возможность искупить грех, совершенный по незнанию в юности. Искупление происходит уже в земной жизни: Руфь – падшая женщина с общепринятой в викторианстве точки зрения – испытывает муки совести и душевные страдания не только от осознания греховности совершенного, но и от того, что чувства к соблазнувшему ее Бэллингхэму продолжают жить в ее сердце. Последнее обстоятельство порождает глубокий внутренний конфликт, разрешение которого невозможно в рамках реализма без каких-либо натяжек и психологических несоответствий, отсюда и смерть героини в конце романа. Однако, несмотря на то что Руфь не смогла разлюбить нравственно испорченного человека, увлекшего когда-то ее на путь греха, она смогла отказаться от него и его предложения руки и сердца. Это происходит в их вторую встречу, когда их сын Леонард стал уже достаточно взрослым, чтобы понять причину оскорблений в адрес его матери – собственное «незаконное» происхождение. Героине романа удается противостоять новому соблазну – скрыть свой грех через брак с соблазнителем. Этому предшествует длительная работа над собой. Не случайно в романе приводится описание того, как Руфь занимается со священником Бенсоном изучением Библии, как она много читает. Интеллектуальное развитие героини способствует ее нравственному совершенствованию. Здесь, на наш взгляд, очевидно влияние унитаризма: это и неприемлемость лжи во спасение, и влияние среды на формирование личности (жизнь в семье священника), и необходимость придерживаться правды, какой бы горькой она ни была, и вера писательницы-унитария в способность человека к самосовершенствованию. Последнее согласуется с утверждениями ранее упомянутого философа Дж. Пристли о том, что человек и его поведение, проистекающее всегда из заранее установленных мотивов, способны к совершенствованию и могут быть приведены в соответствие с божественным провидением [Stiles 1995: 15]. Более подробно идея нравственного совершенствования человека на примере образа главной героини романа «Руфь» обсуждается в нашей статье «Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл “Руфь”» [Фирстова 2010].

Другой морально-этический постулат британских унитариев об изначальной нравственной чистоте человека (отрицание первородного греха) также находит художественное воплощение в образе наивной, неиспорченной Руфи, которая не смогла противостоять ухаживаниям опытного соблазнителя в силу отсутствия жизненного опыта и нравственного руководства более взрослого человека, например матери или другого родственника. Сходную мысль высказывает Ларри Аффельман, не углубляясь в религиозное основание причин подобной трактовки проблемы женского падения на примере образа главной героини романа «Руфь»: «Gaskell’s point, which is clear by the end of her story, is that girls fall, not because of an innate perversity, but because they are just not looked after» [Uffelman 2007: 176].

Способность к самосовершенствованию и саморазвитию проявляет и другая героиня Гаскелл – Маргарет Хейл в романе «Север и юг» (“North and South”, 1855). Приехав в северный промышленный город Милтон, будучи крайне отрицательно настроенной в отношении людей, занимающихся торговлей и промышленностью, она постепенно начинает вникать во все сложности и противоречия нового индустриального общества. Маргарет перестает идеализировать аграрный юг Англии, где она родилась и выросла. Вникая в вопросы промышленной экономики, она помогает противоборствующим классам «хозяев» и «рабочих» понять друг друга благодаря личному общению и дружбе с их представителями: промышленником Торнтоном и профсоюзным лидером Николасом Хиггинсом. Миссия героини в романе явно гуманистическая. Встав на сторону погибающих от нищеты и голода рабочих Милтона, героиня борется с социальной несправедливостью. Такую задачу унитарии, как известно, всегда ставили перед собой.

В упомянутом романе присутствует эпизод, ярко иллюстрирующий отношение унитариев к свободе совести и вероисповедания, показывающий важность толерантности в вопросах веры ради блага каждого отдельного человека. Речь идет о молитве в доме Хейлов в Милтоне, куда Маргарет привела рабочего Хиггинса, чтобы он смог поговорить с ее отцом, бывшим священником англиканской церкви. Героиня надеялась, что этот разговор облегчит страдания героя, только что потерявшего дочь и удержит его от похода в трактир, где он привык облегчать боль при помощи выпивки. Заслуживает внимания описание сцены молитвы в романе: «прихожанка англиканской церкви Маргарет, ее отец диссентер и атеист Хиггинс вместе преклонили колена. Это не принесло никому из них вреда» (“Margaret the Churchwoman, her father the Dissenter, Hig-

gins the Infidel, knelt down together. It did them no harm” [Gaskell 1994: 277]). Автор намеренно акцентирует внимание читателя на разном отношении молящихся к религии, тем самым подчеркивая, что, с одной стороны, люди, имеющие разные взгляды, могут, несмотря на это обстоятельство, объединяться. С другой – что различная конфессиональная принадлежность или же ее отсутствие не мешают людям общаться с Богом. Внимание писательницы к роли религии в жизни героев, «поликонфессиональности викторианской Англии» отмечает и В. О. Возмилкина. Однако литературовед не углубляется в анализ этических принципов унитаристской модификации христианского учения, останавливаясь на понятии «общехристианских ценностей» в качестве основы подлинно нравственного поведения» [Возмилкина 2015: 18], что обусловлено задачами диссертационного исследования.

В другом эпизоде романа, где Бесси Хиггинс выражает уверенность в обретении райского блаженства в загробной жизни в качестве награды за страдания в земной, ссылаясь на рассказ о нищем Лазаре (Лк. 16: 22–26) из Нового Завета, отражается присущее унитарием понимание о жизни души после смерти. Эта притча служит утешением Бесси, испытавшей много страданий и бед в земной жизни, но Маргарет понимает, что такое буквальное понимание текста Библии наивно. Как образованный человек, в том числе в вопросах христианской веры, она не видит обратной зависимости между богатством в земной жизни и адом в загробной, бедностью на земле и райской жизнью на небесах. Положение, которое каждый займет в загробном мире определяется, по ее мнению, тем, насколько искренне и полно человек следовал заповедям Христа в жизни земной, что исключает идею предопределения и выводит на первый план идею моральной ответственности самого человека за свою душу перед Богом, что находится в русле идей британских унитариев.

Маргарет играет роль утешителя Бесси в ее страданиях, что облегчает последние дни девушки. Однако, роль главной героини в романе не исчерпывается гуманизмом по отношению к отдельному человеку. Гаскелл наделяет Маргарет возможностью примирить представителей противоборствующих социальных классов через своеобразную просветительскую миссию героини: ей удастся донести до враждующих между собой рабочих и владельца фабрики идею взаимозависимости их друг от друга, что способствует началу диалога между ранее непримиримыми сторонами социального конфликта. В разговоре с Торнтоном Маргарет произносит: «Бог сделал так, что мы должны быть взаимозависимы»

(“God has made us so that we must be mutually dependent” [Gaskell 1994: 119]).

Социальная активность героини Гаскелл становится возможной благодаря отступлению писательницы от традиционной для викторианства идеи разделения сфер на мужскую и женскую. Маргарет в корне отличается от викторианского идеала женщины, сформулированного Ковентри Патмором в стихотворении «Ангел в доме» (“Angel in the House”, 1854), что во многом обусловлено большей свободой, лучшим образованием, отношением как равным себе со стороны мужчин, т. е. всем тем, чем могли наслаждаться женщины из среды унитариев, и чего были лишены представительницы других религиозных групп в Великобритании в то время. Маргарет Хейл – это пример новой героини в творчестве Гаскелл, внутренне свободной, искренней, величественной в своей простоте, неслучайно влюбленные в нее Генри Леннокс и Джон Торнтон сравнивают ее с «королевой» и «императрицей», она способна на подвиг. Героиня защищает, буквально закрывая собой Торнтон от полетевшего в него камня со стороны забастовщиков, что он превратно истолковывает как проявление любви женщины к мужчине, делает предложение Маргарет и получает отказ. Здесь нельзя не согласиться с мыслью Э. Джей о сходстве изображения героини, упавшей в руки Торнтон, со скульптурой Микеланджело «Пьета», с одним существенным изменением: на месте Иисуса находится женщина [Jay 2001: 252]. Аллюзию на образ снятого с креста Иисуса поддерживают и произнесенные Маргарет в этот момент слова: «Ради Бога! Не отягощайте своей совести насилием. Вы не ведаете, что творите» (“For God’s sake! Do not damage your cause by this violence. You don’t know what you are doing” [Gaskell 1994: 221]). Последняя фраза из приведенного отрывка отсылает к словам Иисуса Христа, произнесенным на Кресте: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34).

Поступок героини был вызван не любовью, точнее, не столько любовью, сколько желанием защитить, милосердием, заложенным, по мнению автора, в каждой женщине, о чем свидетельствует смена традиционных гендерных функций мужчины и женщины в творчестве Гаскелл: женщина перестает быть спасаемой и становится спасающей как в прямом (физическом), так и в переносном (духовном) смысле. Маргарет пытается спасти как рабочих, так и Торнтон. Первых – от совершения ими зла и насилия, морального падения, второго – от физической расправы. Следует отметить, что в викторианской литературе и культуре женщина традиционно является носителем и хранителем моральных ценностей,

что связано с таким важным концептом, как «дом», мужчина, выполняющий функцию добытчика (“bread-winner”), вынужден сталкиваться с нарушением морально-этических норм, христианских в своей основе, и его душевное спасение во многом зависит от женщины: матери, жены, сестры. Здесь трактовка роли женщины Гаскелл не отличается от традиционной для того исторического периода. В этом отношении представляют интерес размышления О. В. Телегиной о творчестве Гаскелл в контексте изучения эстетики повседневности в ее романах, а именно о доме как центре пространства повседневности: «Эстетически идеализируется то главное для англичанина пространство бытия, которое соответствует “моральному чувству”» [Телегина 2016: 9].

Упомянутое диссентерство отца Маргарет и его отказ от духовного сана в англиканской церкви, на наш взгляд, иллюстрируют основополагающий этический императив унитариев – всегда и во всем придерживаться истины. Почувствовав сомнения в собственной вере, мистер Хейл не может больше читать проповеди, не кривя душой, и оставляет церковь. Это разрушает привычный образ жизни самого мистера Хейла, лишает его постоянного дохода и места жительства. Эти изменения касаются и жизни его жены и дочери. На вопрос потрясенной решением отца Маргарет о том, ради чего он обрекает себя и их на страдания, Хейл отвечает: «Я страдаю за совесть, дитя мое!». Персонаж пытается найти опору для себя в воспоминаниях реального человека – Джона Олфилда, священника из Карсингтона в Дербишире, вынужденного покинуть церковь в силу невозможности продолжать исполнение религиозных обязанностей в соответствии с требованиями к проведению богослужений в «Акте о Единобразии», принятом после реставрации монархии в 1662 г. Карлом II. Таких священников оказалось около двух тысяч, поскольку документ открыл период «великого гонения» на пресвитерианских священников. Мистер Хейл читает воспоминания священника, жившего около двухсот лет назад, и находит сходство в переживаемом им внутреннем конфликте с собственным: борьбе между желанием продолжить привычную жизнь и голосом совести. Преодолев сомнения и страхи, отец главной героини практически начинает жизнь заново в достаточно почтенном возрасте: отправляется вместе с семьей на север страны, где становится преподавателем, дающим частные уроки. Он не может отправиться преподавать в Оксфорд, хотя и закончил один из его колледжей, а именно Плимут Колледж, так как религиозные сомнения в англиканском официальном вероучении не позволяют ему подтвердить свою приверженность его постулатам. Его поступок не приносит благополучия или радо-

сти семье: вскоре после переезда умирает его жена Мария – мать Маргарет. Но автор не осуждает своего героя, Гаскелл на этом примере показывает, что путь правды тернист, но, тем не менее, он единственно правильный. Таким образом, мы видим, что унитаристские взгляды писательницы определяют не только проблемно-тематический аспект произведений Гаскелл, но и элементы сюжета – диссентерство персонажа служит завязкой действия в романе.

Писательница демонстрирует и то, что ожидает человека, покривившего душой, описывая переживания Маргарет, когда она была вынуждена солгать полицейскому, чтобы, как она думала, дать возможность ее брату Фредерику уплыть из Англии. Он тайно приезжает повидать смертельно больную мать. На родине его могли арестовать и прижать к суду за неповиновение командиру корабля, на котором он когда-то служил. Приговором в таких случаях, как правило, была смерть. Брат Маргарет пострадал за правое дело, пытаясь защитить матросов от произвола и жестокости капитана. Как станет известно позднее, он найдет счастье в изгнании: встретит свою любовь и добьется успеха в чужой католической стране. Возможно, это Бразилия, так как в начале романа последние известия от брата приходят из Рио (скорее всего, это Рио-де-Жанейро). Маргарет же позднее узнает, что ее ложь ради спасения брата была не нужна. Когда она давала ложные показания полицейскому, Фредерик был уже за пределами Англии. Осознав это, она поняла, что ее поступок был вызван недостаточной верой в Бога, в его способность защитить вступившегося за угнетаемых Фредерика. И это вызвало у героини новые душевные страдания. На наш взгляд, Гаскелл на примере Маргарет делает некое обобщение: ложь вызвана недостатком веры. А для человека XIX столетия – это очень серьезное нравственное преступление. Ложь вызвала не только душевные страдания, но навредила Маргарет и в другом. Промышленник Торнтон, в которого героиня незаметно для себя влюбляется, расценивает сказанную неправду как попытку скрыть факт тайной встречи с возлюбленным. Эта ложь ради спасения брата едва не разлучит влюбленных, не говоря уже о том, что бросит тень на репутацию Маргарет.

Невозможность открыть правду едва не стоила счастья и героине первого романа Гаскелл «Мэри Бартон», а ее возлюбленному – свободы. Тайна, которую знала Мэри и не могла раскрыть на суде, заключалась в том, что убийцей сына фабриканта (Гарри Карсона) был ее собственный отец Джон Бартон. Он сделал это, желая отомстить за всех детей рабочих, умерших от голода и болезней. Но это убийство из мести не принес-

ло ему облегчения и привело к страданиям ни в чем не повинного Джема Уилсона (его обвинят в убийстве из ревности и оправдают лишь благодаря решительным действиям Мэри, сумевшей разыскать ушедшего в морской рейс свидетеля невиновности Джема) и его дочери, которая, не выдержав напряжения, серьезно заболела. Одна из задач романа, на наш взгляд, была показать не только бессмысленность мести, но и ее разрушительное действие, направленное с одинаковой силой на «правых» и «виноватых», развенчать ветхозаветный принцип «око за око». Это согласуется с учением унитариев, которые полагали, что боговдохновенным является лишь Новый Завет [Ревуненкова 1988: 131], проповедующий идеи прощения, милосердия и примирения.

Соккрытие правды другим персонажем Гаскелл Филипом Хепберном – одним из главных героев романа «Поклонники Сильвии» (“*Sylvia’s Lovers*”, 1863) – становится не только завязкой романа, но и поворотным пунктом на его жизненном пути, в конце которого он глубоко раскается в содеянном и поймет насколько греховным был его поступок, принесший страдания любимой женщине, его сопернику и, в конечном итоге, ему самому. Скрыв от Сильвии факт насильственной вербовки на службу в военно-морском флоте своего счастливого соперника китобоя Чарли Кинрэйда, Филип пытается найти оправдание своему поступку в истории жизни своей квартирной хозяйки Элис Хестер. Она предпочла китобоя торговцу-квакеру, о чем сожалела всю оставшуюся жизнь, так как страдала от жестокости мужа. Узнав об обмане, спустя семь лет в момент возвращения Чарли домой, Сильвия разрывает отношения с Филипом, ставшим ее мужем, что вынуждает его отправиться как можно дальше от Монксхейвена, а именно на войну. В одном из сражений автор сводит двух поклонников Сильвии вместе, и Филипу представляется шанс спасти Чарли, что становится моментом искупления вины перед ним. Вину перед Сильвией герою удастся искупить спустя годы полуголодного существования в образе не признанного ею калеки, наблюдающего издали за ней и их дочерью, которую он спасет от смерти. Умирая на руках любимой, Филип раскается в том, что сотворил из Сильвии кумира, поставил любовь к ней выше любви к Богу, именно этот грех повлек за собой все их страдания.

В романе автор уделяет большое внимание описанию жизни Филипа после войны, его скитаниям по стране, положению калеки, живущему за счет милости других людей, получающему скудную пенсию, не позволяющую пожить досыта. Гаскелл реалистично, используя детальное описание внешности прибывающих в Англию искалеченных войной моряков (время действия в романе

– Наполеоновские войны), изображает не парадную сторону, а изнанку войны – боль и смерть. Антивоенный пафос также можно отнести к проявлению унитаризма Гаскелл. Известно, что многие английские унитарии были пацифистами.

Приведенные в статье эпизоды из романов Гаскелл, возможно, не дают исчерпывающего представления о круге тем и проблем, затрагиваемых писательницей, однако, на наш взгляд, позволяют проследить влияние религиозных убеждений унитариев на ее творческий метод, а именно выбор определенных типов героев: это священник, испытывающий религиозные сомнения, как мистер Хейл в романе «Север и юг», или священник-диссидент мистер Бенсон в романе «Руфь», сомневающийся в правильности собственного милосердного поступка, идущего, однако, в разрез с унитаристским нравственным императивом, требующим избегать лжи в любой жизненной ситуации, что ведет к художественному изображению глубокого внутреннего конфликта, сопровождающегося психологизацией повествования; «падшая» женщина, получающая право на сочувствие (Эстер в романе «Мэри Бартон») или прощение и социальную реабилитацию благодаря искуплению греха прелюбодеяния через любовь к своему незаконнорожденному ребенку, дополненную, как в случае с Руфь из одноименного романа, упорной внутренней работой над собой, способствующей ее интеллектуальному и нравственному совершенствованию; новый тип героини из среднего класса, образованной и социально активной, стремящейся помочь разрешению острого классового конфликта между владельцами предприятий и рабочими на основе морально-этических принципов христианства, умеющей признавать собственные ошибки и способной к саморазвитию (Маргарет Хейл из романа «Север и юг»). Смена традиционных гендерных ролей (героиня «спасает» героя физически и нравственно), а также актуализация заложенных в викторианстве представлений о женщине как хранительнице морально-нравственных ценностей в образе женщины-спасительницы свидетельствуют о стремлении повысить статус женщины в обществе, присущее унитариям в Англии в XIX в.

Необходимо также отметить, что унитаристская этика во многом определяет проблемно-тематический аспект большинства анализируемых в статье произведений Э. Гаскелл, включающий вопросы женского образования; право женщины на активное участие в жизни общества; социальную справедливость; ложь, калечащую жизни и судьбы людей; лицемерие; следование букве, а не милосердному духу Священного Писания; крайний индивидуализм, отрицаю-

щий взаимозависимость людей по замыслу Бога; наказание за совершенный грех и прощение; возможность искупление греха; пацифизм, религиозную толерантность, гуманизм. Главными идеями творчества Э. Гаскелл, уходящими корнями в английский унитаризм, можно назвать стремление человека к духовному самосовершенствованию, веру в здоровое нравственное начало человека и прогресс человеческого общества.

Список литературы

Возмилкина В. О. Романы Э. Гаскелл в истории английского социального романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.

Ивашева В. В. «Век нынешний и век минувший...» Английский роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1990. 479 с.

История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / под ред. Л. Т. Мильской, В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1993. 656 с.

Маркс К. Английская буржуазия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Полит. лит., 1958. Т. 10. С. 645–650.

Православная энциклопедия. Т. 2. ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115822.html> (дата обращения: 15.03. 2022).

Проскурнин Б. М. Идеи времени и зрелые романы Дж. Элиот. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 144 с.

Ревуненкова В. Н. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. 205 с.

Ремизов Б. Б. Элизабет Гаскелл: Очерк жизни и творчества. Киев: Вища шк., 1974. 171 с.

Телегина О. В. Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 25 с.

Тулушева М. П. В надежде правды и добра: Портреты писательниц. М.: Худож. лит., 1989. 271 с.

Фирстова М. Ю. Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл «Руфь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4(10). С. 111–119.

A *Worship* Resource to Celebrate the 200th Anniversary of the Birth of Elizabeth Gaskell. 2010. 15 p. URL: http://www.unitarian.org.uk/pdfs/Gaskell_Worship_Pack.pdf (дата обращения: 15.03. 2022).

Gaskell E. North and South. London: Penguin Books, 1994. 521 p

Chapple J. Unitarian Dissent // Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell / Ed. by Jill L. Matus. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 164–177.

Duthie E. L. The Themes of Elizabeth Gaskell. London and Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1980. 217 p.

Esson A. Elizabeth Gaskell. London: Routledge and Kenan Paul, 1979. 278 p.

Gerin W. Elizabeth Gaskell: a Biography. Oxford: Oxford University Press, 1976. 318 p.

Jay E. Women Writers and Religion // Women and Literature in Britain, 1800–1900 / Ed. by Joanne Shattock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 251–275.

Stiles R. P. An Examination of Selected Binary Oppositions in the Work of Elizabeth Gaskell which Serve to Demonstrate the Author's Response to Unitarianism and Other Prevalent Influences within Mid-Victorian Society. PhD thesis. University of Glasgow, 1995. URL: <http://theses.gla.ac.uk/1699/> (дата обращения: 23.03.2022).

Uffelmann L. Elizabeth Gaskell: Victorian Moralizer // Вестник Волгоградского государственного университета Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2007. Вып. 6. С. 170–176.

Uglow J. Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories. Faber and Faber. London; Boston, 1993. 690 p.

Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought / Ed. by George D. Chyssidis. London: The Lindsey Press, 1999. 144 p.

References

Vozmilkina V. O. *Romany E. Gaskell v istorii angliyskogo sotsial'nogo romana*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The novels of Elizabeth Gaskell in the history of the social novel. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2015. 23 p. (In Russ.)

Ivasheva V. V. *'Vek nyneshniy i vek minuvshiy...'* *Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [‘The Present Age, the Past Age...’ The English Novel of the 19th Century in Its Modern Interpretation]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 479 p. (In Russ.)

Istoriya Evropy [The History of Europe]. Ed. by L. T. Mil'skaya, V. I. Rutenburg. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 3. *Ot srednevekov'ya k novomu vremeni (konets XV - pervaya polovina XVII v.)* [From the Middle Ages to the Modern Age (the End of the 15th century – the First Half of the 17th century)]. 656 p. (In Russ.)

Marx K. *Angliyskaya burzhuaziya* [The English Bourgeoisie]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions]. 2nd ed. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1958, vol. 10, pp. 645–650. (In Russ.)

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Church Research Centre Pravoslavnaya entsiklopediya, 2001, vol. 2. Available at: <https://www.pravoslavnaya-entsiklopediya.ru/>

venc.ru/text/115822.html (accessed 15 Mar 2022). (In Russ.)

Proskurnin B. M. *Idei vremeni i zrelye romany Dzh. Eliot* [The Ideas of the Time and Mature Novels of G. Eliot]. Perm, Perm State University Press, 2005. 144 p. (In Russ.)

Revunenokova V. N. *Renessansnoe svobodomyслиe i ideologiya Reformatsii* [Renaissance Free-Thinking and the Ideology of the Reformation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 205 p. (In Russ.)

Remizov B. B. *Elizabet Gaskell: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Elizabeth Gaskell: Essay on Life and Works]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1974. 171 p. (In Russ.)

Telegina O. V. *Estetizatsiya povsednevnykh v romanakh Elizabet Gaskell*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Aesthetic depiction of everyday life in the novels of Elizabeth Gaskell. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2016. 25 p. (In Russ.)

Tugusheva M. P. *V nadezhde pravdy i dobra: Portrety pisatel'nits* [In Hope for the Truth and the Good: Portraits of Women Writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 271 p. (In Russ.)

Firstova M. Yu. *Ideya dukhovnogo samosovershenstvovaniya v khudozhestvennoy strukture romana Elizabet Gaskell 'Ruf'* [The role of the idea of self-improvement in 'Ruth' by Elizabeth Gaskell] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4 (10), pp. 111-119. (In Russ.)

A worship resource to celebrate the 200th anniversary of the birth of Elizabeth Gaskell, 2010. 15 p. Available at: https://www.unitarian.org.uk/wp-content/uploads/2021/01/2010_Gaskell_WorshipPack.pdf (accessed 15 Mar 2022). (In Eng.)

Gaskell E. *North and South*. London, Penguin Books, 1994. 521 p. (In Eng.)

Chapple J. Unitarian Dissent. *Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell*. Ed. by Jill L. Matus. New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 164-177. (In Eng.)

Duthie E. L. *The Themes of Elizabeth Gaskell*. London and Basingstoke, Macmillan Press Ltd., 1980. 217 p. (In Eng.)

Easson A. *Elizabeth Gaskell*. London, Routledge and Kenan Paul, 1979. 278 p. (In Eng.)

Gerin W. *Elizabeth Gaskell: A Biography*. Oxford, Oxford University Press, 1976. 318 p. (In Eng.)

Jay E. Women writers and religion. *Women and Literature in Britain, 1800 – 1900*. Ed. by Joanne Shattock. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 251–275. (In Eng.)

Stiles R.P. *An examination of selected binary oppositions in the work of Elizabeth Gaskell which serve to demonstrate the author's response to Unitarianism and other prevalent influences within mid-Victorian society*. PhD thesis, University of Glasgow, 1995. 245 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/1699/> (accessed 23 Mar 2022). (In Eng.)

Uffelman L. Elizabeth Gaskell: Victorian Moralism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2007, issue 6, pp. 170–176. (In Eng.)

Uglow J. *Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories*. Faber and Faber. London and Boston, 1993. 690 p. (In Eng.)

Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought. Ed. by George D. Chyssidis. London, Lindsey Press, 1999. 144 p. (In Eng.)

Artistic Embodiment of Unitarian Religious Principles in the Literary Works of Elizabeth Gaskell

Maria Yu. Firstova

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Associate Professor in the Department of English Language and Intercultural Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. legkikh76@mail.ru

SPIN-code:1553-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

ResearcherID: FSI-1734-2022

Submitted 11 Apr 2022

Revised 06 June 2022

Accepted 15 June 2022

For citation

Firstova M. Yu. Khudozhestvennoe voploshchenie printsipov khristianskogo religioznogo ucheniya unitariiev v tvorchestve Elizabet Gaskell [Artistic Embodiment of Unitarian Religious Principles in the Literary Works of Elizabeth Gaskell]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 131–141. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141 (In Russ.)

Abstract. The paper deals with the origins and major principles of the Unitarian religion that began to spread in Great Britain in the 18th century. The author aims to reveal the impact of the ethics of this Non-conformist (Dissent) Christian religious thought on the literary works of Elizabeth Gaskell (1810 - 1865), whose family background was largely Unitarian. The study shows the way that ethical principles of the Unitarian doctrine influence the problem-theme facet of her novels, which is evident in the artistic interpretation of the idea of strengthening the role of women in the Victorian society, in the author's new approach to the solution to 'the fallen woman' problem, based on the possibility to atone for the sin through the service to the good of people and maternal love. The article focuses on the artistic depiction of the evil nature of a lie, the ideas of pacifism, religious tolerance, social justice, and resolution of social problems on the basis of the Christian idea of mutual dependence of humans, as presented in the novels written by Gaskell. The characters of her works, being new for Victorian literature, are also developed on the moral principles of Unitarianism. They are a socially active young woman from the middle class whose efforts are aimed at the resolution of the social conflict and a church minister (a dissenter) suffering from religious or moral doubts. The latter circumstance determines the shift from the depiction of the external social conflict to the internal one, which results in the in-depth psychological insight into the character in Gaskell's narration. Particular attention is also given to the artistic interpretation of the key Unitarian idea of moral development and perfection of humans and continuous social progress in the novels *Ruth* (1853), *North and South* (1855), *Sylvia's Lovers* (1863).

Key words: critical realism; Victorian period; Unitarianism; New Testament; Antitrinitarians; Non-conformism; Dissenters; gender roles change.